

Дина Рубина

Маска, я тебя не знаю...

*Часть сборника
Наш китайский бизнес (сборник)*

Дина Ильинична Рубина

Маска, я тебя не знаю...

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163757
Наш китайский бизнес: Эксмо-пресс; М.; 2006
ISBN 5-699-10503-8

Аннотация

На редкость талантливая и обаятельная рассказчица... Дина Рубина – мастер, поразительно умеющий видеть, слышать, вникать в окружающее. Успех повестей и романов Рубиной знаменателен и закономерен. В русской прозе сейчас побеждает артист...

Дина Рубина

Маска, я тебя не знаю...

Я хотела поговорить с тобой о воздействии жизни на творчество. Но сперва поясни, пожалуйста, одну вещь. Твоя нелюбовь к жанру интервью уже стала притчей во языцех. На днях один журналист рассказывал, как долго он вырывал у тебя согласия на запись устной беседы. Ведь это странно, ты не находишь? Вряд ли тебе задают какие-то вопросы специального свойства. Скорее всего, это давно известные тебе банальные темы: эмиграция писателя, творчество, общество и художник...

То есть, совершенно небанальные, всегда болезненные темы...

Я попробую объяснить: моя профессия – слово. Соответственно и отношение к этой субстанции совсем иное, чем у людей других профессий. Писатель живет словом, составляет из него мир, как из материальных частиц. У меня вообще сложные отношения с этой субстанцией. Особенно, когда передо мной на столик ставят эту дьявольскую записывающую штуку и все, произнесенное тобой, все оговорки, досадные длинноты, неизбежное косноязычие устной речи записывается навеки и окончательно, словно этот мычащий, запинаящийся, мучительно подбирающий случайно подвернувши-

еся слова, человек и есть – я.

А тебе не кажется, что во всех интервью ты весьма далеко от себя – настоящей?

Безусловно. Всегда. Потому что утром я не уверена, что вечером не буду чувствовать и думать иначе. Я человек вариантный. Писатель всегда человек вариантный. Это неотъемлемое качество профессии. Любой уважающий себя литератор новую мысль никогда не пишет набело.

Ты хочешь сказать, что боишься окончательного слова?

Совершенно точно. Боюсь всего затвердевшего. Во-первых, мозг и рука привыкли переиначивать, переписывать, править, а во-вторых, это естественная ответственность перед окончательно произнесенным словом. Возможно, тут опасение генетического посыла, ведь мы столько десятков веков тащим на горбу свои каменные скрижали. А может быть, это привычка мастерового человека, который умеет сравнить свои слова в двух ипостасях: рукописной и печатной. Ведь это – всегда разные тексты.

Почему же?

Потому, что рукописный текст напоен только твоей энер-

гетикой, вобрал в себя только твои мысли, твоё время, твои чувства, твоё зрение. Печатный текст и обнажен, и в то же время уже заряжен, уже вобрал в себя все мысли, чувства, зрение тех, кто его прочитал. Он «разбухает», увеличивает-ся в объеме – не материальном, конечно... Иногда я сравниваю свой писательский труд, результат его, с трудом художника – ведь бок о бок со мной всегда трудился художник – сначала отец, теперь мой муж, Борис. И это в работе художника известный феномен: когда картина окончена, она как бы заряжена только ее создателем. Затем ее ставят лицом к стене, показывая сначала близким, друзьям, потом гостям, которые забредают в мастерскую. Потом выставляют на выставку... одну, другую... Проходят несколько лет, и вот уже картина выглядит совсем иначе, иначе «смотрит» на вас. Это совершенно другое произведение, с куда большим объемом информации.

А автор при этом становится другим?.. Я недавно перечитала твоё эссе «Под знаком карнавала». Там есть некая фраза, о том, что в твоём «небезоблачном» существовании в Израиле тебя держит на плаву ощущение карнавала, ощущение себя – на карнавале. Это ведь тоже – поглощение информации, насыщение ею в толкотне людской, среди множества лиц и персонажей... Но на карнавале нельзя без маски.

Да, конечно. Маска всегда на карнавале была не только игрой, но и необходимой защитой, условием высвобождения личности. Это вообще моя любимая тема: маска, как авторский прием. Кстати, самыми изысканными и дорогими масками на венецианском карнавале были заказанные знатными жителями Венеции маски с изображением лица заказчика. Понимаешь? Какая-нибудь знатная венецианка держала на длинной ручке перед своим лицом именную маску, в точности повторяющую ее же лицо. В этом есть некий сакральный смысл – когда перед собой ты выставляешь себя же – застывший неизменный слепок. Дубль лица. Двойник-представитель...

Как в романе «Вот идет Мессия». Там целых две героини, и обе – конечно, ты.

И обе, конечно же, НЕ я. Хотя некоторые приметы, некоторые детали моей жизни там, конечно, есть. Врубель говорил: «Ты можешь писать совсем фантастическую картину, но пуговица – хотя бы пуговица! – должна быть абсолютно реальной». Скажем так: пуговицы, причем, крепко пришитые в несколько рядов, явно срезаны с моего костюма. Но весь покрой платья – иной... Для другой модели, другой женщины.

Да, меня вообще страшно интригует этот прием. Понимаешь, наше мучительное время, требующее от человека

подчас совершенно противоположных реакций, невозможно полно отобразить без некоего оппонента – возражающего, противостоящего, резонерствующего... Кроме того, «уход за ширму» – это вообще качество моего характера, если только я не имею дело с очень близким мне человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.